

ЖИВОЙ ЯНТАРЬ АЛЕКСАНДРА КРЫЛОВА

ЯНТАРНАЯ МОДЕЛЬ ИСААКИЕВСКОГО СОБОРА — ЦЕНТР ДВУХ ВРЕМЕННЫХ ВЫСТАВОК В НОВОМ МУЗЕЕ КАМНЯ В РИЗНИЦЕ ПРИ ХРАМЕ ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА (СПАСЕ НА КРОВИ). АВТОР ЭТОЙ РАБОТЫ — ХУДОЖНИК-РЕСТАВРАТОР АЛЕКСАНДР КРЫЛОВ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ХУДОЖНИК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЧЛЕН СОЮЗА ХУДОЖНИКОВ РОССИИ, ЧЛЕН ВСЕМИРНОГО СОВЕТА ПО ЯНТАРЮ, ОДИН ИЗ МАСТЕРОВ, ВОССОЗДАВШИХ ЗНАМЕНИТУЮ ЯНТАРНУЮ КОМНАТУ. ВЕРОНИКА ЗУБАНОВА

GUIDE: Кому пришла в голову идея создать музей камня?

АЛЕКСАНДР КРЫЛОВ: Идея создания музея принадлежит директору ГМЗ «Исаакиевский собор» Николаю Витальевичу Бурову. Я работал над миниатюрной копией Исаакиевского собора в янтаре полтора года. Впервые она выставлялась на открытии музея «Эрарта». Николай Витальевич увидел этот макет и сделал все для того, чтобы он стал собственностью музея. Он хранился в фондах, а когда появилась возможность сделать экспозицию в ризнице, — стал ее центром.

G: В новом музее есть и другие ваши работы?

А. К.: В центральном зале выставлены созданные мною художественные произведения из янтаря, в том числе — шесть икон, одна из которых изображает семью последнего русского императора. Кроме того, специально для выставки в ризнице я сделал икону Иверской Божией Матери. В честь этой иконы и была освящена часовня в 1908 году.

G: Иконы — ваша специализация?

А. К.: Нет, на своих выставках я показываю разные работы — скульптуры из янтаря, мебель, иконы, различные шкатулки и ларцы, шахматные наборы. Вещи все разные, созданные в разной стилистике. Иконы из янтаря — совершенно новое направление. С них все начиналось — еще во времена работы над Янтарной комнатой. По вечерам я не уходил домой, как все, а продолжал работать. Некоторые из тогда созданных работ дожили до сегодняшнего времени.

Янтарь — единственный теплый камень, и его свет и тепло идеально подходят для иконы. Это тема, которую я начал, и, как все новое, она еще находится в процессе развития. Но пока отрицательных отзывов я не слышал.

G: В какой технике создаются иконы из янтаря?

А. К.: В той же, в которой воссоздана Янтарная комната. С включениями металла, кости, флорентийской мозаики, полудрагоценных камней. Янтарь прекрасно гармонирует с любыми материалами, объединяет камень, кость, кожу, металлы. Возьмем, к примеру, скульптуру «Александр Невский» — это одна из ранних работ, на которой я проверял возможности сочетания янтаря с другими материалами. Здесь и жемчуг, и кость, и камни, и металл — и все это не «ссорится», не диссонирует. А наоборот, поддерживает и дополняет. Интересно и сочетание янтаря с карельской березой — два таких разных и таких «русских» материала идеально ложатся друг на друга.

G: К янтарию вы относитесь с какой-то особой любовью. Почему?

ЕВГЕНИЙ ПЛАВЕНКО

А. К.: Это камень с фантастическими возможностями. Янтарь может использоваться и в ювелирных изделиях, и в декоративно-прикладном искусстве, и в оформлении интерьера. Материал в плане скульптуры очень живой, он наиболее близок к человеческой коже. Воск — «мертвый», мрамор — холодный. А янтарь живой и теплый, он пропускает через себя свет и сам светится изнутри. Как реставратор я работал с различными материалами — камнем, металлами — и могу смело утверждать, что с точки зрения отдачи нет более благодарного материала. Но с точки зрения обработки янтарь — один из самых капризных и сложных камней. И чем больше кусок, тем сложнее с ним работать: много включений, пузырьков воздуха, трещин.

G: Технология работы с янтарем имеет свои особенности?

А. К.: Она кардинально отличается от работы с другими материалами. В отличие от работы с мрамором, например, здесь нужно не отсекай лишнее (отсекать-то не от чего), а наоборот, подбирать нужное. Материал дорогой, и приходится снимать слои потоньше и поэкономнее. В отличие от глины, из которой скульптуру можно слепить за день, янтарь требует времени. Каждый кусок подбирается по фактуре и цвету — все это очень сложно, и работа может длиться годами. Сложнее всего — с иконами. Над Троицей, например, я целый год работал.

G: А с чего все начиналось?

А. К.: Я по образованию архитектор и какое-то время работал архитектором. Это было достаточно интересно, но результата приходилось ждать очень долго. В то же время у меня было хобби — я на кухне работал с деревом, металлом, раковинами. Мне предложили сделать несколько предметов для музея янтаря, который тогда открывался в Калининграде. Тема меня так завлекла, что я понял: архитектура осталась в прошлом. Потом вышло постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР о воссоздании Янтарной комнаты. Когда мы начинали — с нуля — никто (кроме нас, нескольких энтузиастов, образованных, но нищих) в успех проекта не верил. Это было в 1979 году. А в 2003-м мы ее закончили.

G: И что потом?

А. К.: Потом я восемь лет был хранителем Янтарной комнаты — ведь за всем этим нужно присматривать. Мне было важно посмотреть, как будут «жить» янтарные панно непосредственно в музейном зале, как повлияет на них изменение температуры и влажности, что нужно сделать для сохранности комнаты. Была идея установить специальные стеклянные ограждения с климатической системой — это, с одной стороны, способствовало бы поддержанию микроклимата, а с другой, дало бы возможность посетителям музея рассмотреть янтарные миниатюры и сюжетные композиции с достаточно близко-

го расстояния. К сожалению, должность хранителя Янтарной комнаты оказалась номинальной, и я не увидел смысла в своей дальнейшей работе там.

G: Зато теперь у вас, говорят, есть собственная Янтарная комната?

А. К.: Макет в масштабе 1 к 20. Когда работа над Янтарной комнатой уже подходила к концу, я делал его по вечерам. Теперь он стоит в моей мастерской. А в 2007 году моя «личная Янтарная комната в миниатюре» выставлялась в Лувре.

G: Насколько востребованы ваши работы?

А. К.: Ценители есть — и среди музеев, и среди частных коллекционеров. Но янтарь, в принципе, не слишком популярен в России. В сознании наших соотечественников янтарь существует в двух ипостасях — или это бусики, или Янтарная комната. Этот камень в художественном понимании практически неизвестен. Вещи, которые создавали мастера в прошлые века, утеряны — примеров художественных произведений из янтаря сохранилось ничтожно мало. Что-то есть в коллекциях Петергофа, Царского Села. Это удивительно: в России находится девяносто процентов мировых запасов янтаря, а мировой столицей этого камня считается польский город Гданьск. Там культивирование янтаря возведено в ранг приоритетов мэра города. То же самое происходит и в Германии. А в России янтарь очень плохо знают и мало уважают.

G: И музеев нет?

А. К.: Некоторое время в городе существовала галерея «Янтарный дом» — хозяин ее собирал высокохудожественные предметы из этого камня. Потом галерея закрылась, и владелец передал собрание предметов искусства в дар Музею янтаря в Калининграде. Это первый прецедент в истории современной России, когда коллекция мирового уровня не продается (хотя такие предложения поступали), а дарится музею.

G: Одна из самых необычных ваших работ — единственная в мире янтарная скрипка...

А. К.: Я ее делал вне всяких законов, она вообще не должна играть — но играет. Сергей Стадлер на ней играл. Конечно, она не предназначена для больших концертных залов — скорее, для камерной игры. Сейчас мы с моим другом — известным скрипичным мастером Михаилом Оратовским — делаем еще один инструмент, уже с учетом музыкальных требований к скрипке. Хотим, чтобы звук был, как у скрипок Страдивари. Она должна весить не более четырехсот граммов, при этом быть очень прочной (иначе струны не натянуть), удобной и красивой. Товарищ занимается техническими характеристиками, а я — внешним обликом. Посмотрим, что получится. ■